g 86/84

Д 86.
84.

О СЕНАТѢ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Сергѣя Петровскаго.

Москва. 1875 г. Въ 8-ю д. л., стр. VIII и 349.

Рецензія Н. В. Калачова.

Въ числѣ книгъ, представленныхъ въ текущемъ году на полученіе премій, учрежденныхъ графомъ Уваровымъ, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ займетъ, безъ сомнѣнія, сочиненіе г. Петровскаго какъ по важности своего предмета, такъ и по тщательности его разработки на основаніи источниковъ, считавшихся долгое время недоступными, а нынѣ крайне затрудняющихъ изслѣдователей и своею многотомностію и почеркомъ рукъ весьма неразборчивымъ.

Изслѣдованію своему о Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго авторъ предпосылаетъ обзоръ высшихъ центральныхъ учрежденій, которыя ему предшествовали: княжеской и царской Думы. Первая была совѣтомъ старшихъ дружинниковъ, наиболѣе близкихъ къ князю—вольныхъ бояръ и слугъ; а вторая составлялась изъ лицъ, обязанныхъ царю по службѣ, какъ подданные, вслѣдствіе чего Царская Дума становится постояннымъ учрежденіемъ изъ бояръ, окольничихъ, а съ 1572 г. и изъ думныхъ дворянъ, но все-таки съ оттѣнкомъ болѣе частнаго, совѣщательнаго, чѣмъ государственнаго учрежденія. Но является Петръ, и ему еще болѣе, чѣмъ прежнимъ царямъ, необходимо высшее коллегіальное установленіе, но уже не такое, какимъ была Дума: этому новому

учрежденію нужна была самостоятельность, твердость и быстрота въ совѣщаніяхъ и дѣйствіяхъ. Первоначально, вслѣдствіе этого, Петръ возлагалъ было государственныя дѣла на Ближнюю Канцелярію, но какъ это мѣсто не имѣло такой опредѣлительности и постоянства, какія требовались и взглядомъ государя на дѣло и постояннымъ отлучками его изъ центра управленія, то и учрежденъ имъ Сенатъ въ тотъ самый день (22 февр. 1711 г.), когда объявленъ былъ манифестъ о войнѣ съ Турціей, вызванной на борьбу съ Россіей давнишнимъ врагомъ ея Карломъ XII «Вотъ почему, говоритъ авторъ, Петръ сразу далъ Сенату все, что требуется отъ высшаго государственнаго учрежденія и что въ особенности требовалось обстоятельствами того времени, и чего по преимуществу недоставало прежней Царской Думѣ, — онъ далъ ему большую самостоятельность въ дѣйствіяхъ, снабдилъ обширными полномочіями: «Повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежитъ», гласитъ указъ 1711 г. 2-го марта, «какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучкахъ, опредѣлили Управительный Сенатъ, которому *всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію, по винѣ смотря*».

Учрежденный на такихъ основаніяхъ и съ такими правами Сенатъ г. Петровскій разсматриваетъ во всѣхъ его направленіяхъ и дѣйствіяхъ въ продолженіе всего царствованія его основателя при пособіи такихъ матеріаловъ, которые, какъ мы сказали, не были еще большею частію подъ рукою у другихъ изслѣдователей. Мы разумѣемъ здѣсь доклады Сенату по разнымъ дѣламъ и состоявшіеся приговоры вслѣдствіе такихъ докладовъ или именныхъ указовъ и писемъ Государя. Обращеніе автора въ настоящемъ случаѣ къ этимъ единственнымъ источникамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, заслуживаетъ особеннаго упоминанія и указанія съ нашей стороны на большую услугу, оказанную имъ чрезъ то исторіи русскаго законодательства. До какой степени были въ этомъ отношеніи слабы, почти ничтожны труды его предшественниковъ по составленію исторіи Сената доказывается не только легкими очерками, помѣщенными въ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ историко-юридическимъ розысканіямъ о разныхъ учрежденіяхъ Россіи и ея управленія въ XVIII столѣтіи, но и спеціальною статьею о Сенатѣ, написанною притомъ бывшимъ начальникомъ того же Архива Министерства Юстиціи П. И.

Ивановымъ, хотя всѣ они пользовались для своей цѣли не только разными печатными матеріалами, но и Полнымъ Собраніемъ Законовъ. Причина та, что богатство данныхъ, заключающихся въ массѣ документовъ, еще доселѣ нетронутыхъ, такъ значительно, что даже приступить къ этому столь однако благодарному руднику казалось даже лицамъ, близь него стоявшимъ, дѣломъ, превышающимъ силы одного человѣка. Принявшись смѣло за такой трудъ, г. Петровскій не только блистательно исполнилъ взятую на себя задачу, но и указалъ другимъ ученымъ куда они должны обращаться для розысканія источниковъ по своимъ изслѣдованіямъ внутренняго быта Россіи, и теперь не только появилось уже въ свѣтъ изданное, вслѣдъ за сочиненіемъ г. Петровскаго, изслѣдованіе г. Мрочекъ-Дроздовскаго, относящееся къ губернскому управленію въ царствованіе того же Петра Великаго, но и работаетъ въ Архивѣ цѣлый рядъ ученыхъ, отъ которыхъ наука въ полномъ правѣ ожидать успѣшнаго разрѣшенія разныхъ вопросовъ по исторіи отечественнаго законодательства.

Чтобы достойно оцѣнить лежащее передъ нами изслѣдованіе г. Петровскаго, мы постараемся отдать полный, по возможности, отчетъ о разныхъ отдѣлахъ, на которые онъ самъ раздѣлилъ его, съ указаніемъ какъ на тѣ стороны его розысканій, въ которыхъ онъ разрѣшилъ частію новые, еще не тронутые никѣмъ вопросы, частію же, по другимъ вопросамъ, исправилъ и объяснилъ прежнія недоразумѣнія, такъ и на тѣ недомолвки или опущенія, которыхъ, по нашему мнѣнію, онъ могъ бы избѣгнуть, имѣя подъ рукою разработанные имъ матеріалы.

Объяснивъ въ 1-й главѣ своего труда происхожденіе Сената и его значеніе, г. Петровскій разсматриваетъ его составъ (глава 2-я), для чего говоритъ прежде всего о личностяхъ—Сенаторахъ—изъ коихъ онъ былъ образованъ, о назначеніи ихъ, отставкѣ и ихъ преимуществахъ; затѣмъ переходитъ къ Сенатскимъ Канцеляріи и Конторѣ и, наконецъ, останавливается съ большою подробностію на учрежденіяхъ, которыми Петръ В. обставилъ Сенатъ для лучшаго осуществленія имъ его назначенія и власти: коммиссарахъ отъ губерній, фискалахъ, генералъ-прокурорѣ и прокурорахъ, генералъ-рекетмейстерѣ и герольдмейстерѣ съ ихъ канцеляріями.

Первоначально въ составѣ Сенаторовъ было 9 именнымъ указомъ для сего назначенныхъ особъ; но съ учрежденіемъ Коллегій и повелѣніемъ президентамъ Коллегій присутствовать въ Сенатѣ (съ 1718 г.), число ихъ чрезъ это увеличилось; впрочемъ, уже въ

1722 г. января 12 состоялся указъ, что за исключеніемъ президентовъ двухъ Вопискихъ Коллегій (сухопутной и морской), Коллегіи иностранной и на время президента Бергъ-Коллегіи, всѣ прочіе президенты должны остаться только Сенаторами, въ президенты же прочихъ Коллегій будутъ выбраны новыя лица, которыя уже не будутъ имѣть Сенаторскаго званія. Причиною такой перемѣны было, какъ сказано въ указѣ, многодѣльство въ Сенатѣ и невозможность успѣшно исправлять двѣ должности—Сенатора и президента Коллегіи, вслѣдствіе чего и президентамъ, оставленнымъ въ званіи Сенаторовъ, разрѣшено было не присутствовать постоянно въ Сенатѣ, а бывать лишь въ нѣкоторыхъ особенно назначенныхъ случаяхъ. Рядомъ, однако, съ такимъ указомъ въ тотъ же 1722 г. мая 16 изданъ былъ другой, въ которомъ говорится: «которые въ Сенатѣ изъ президентовъ Коллегій, чтобъ тѣ нынѣ для малолюдства въ Сенатѣ сидѣли равно съ другими, только два дни меньше въ недѣли». Этотъ указъ до сихъ поръ всѣ объясняли такъ, что, въ отмѣну указа 12 января 1722 г., въ Сенатѣ по прежнему должны присутствовать президенты всѣхъ Коллегій. Г. Петровскій совершенно основательно опровергаетъ такое толкованіе новаго указа не только буквальнымъ указаніемъ въ немъ исключительно на тѣхъ президентовъ Коллегій, *которые въ Сенатѣ*, но и подлинными Сенатскими дѣлами, въ коихъ рѣшительно ни разу не встрѣчается ни подписи, ни малѣйшаго указанія на присутствованіе въ Сенатѣ вновь назначенныхъ президентовъ Коллегій. — Что касается до отставки Сенаторовъ, то она происходила также по указамъ Государя; а изъ особенныхъ предоставленныхъ имъ преимуществъ авторъ указываетъ только на то, что по уголовнымъ дѣламъ изъ фискаловъ могли доносить на Сенатора и требовать слѣдствія и суда надъ нимъ только обер-фискалы и что самое дѣло о Сенаторѣ должно было судиться лишь въ Сенатѣ, что однако впослѣдствіи уже Петромъ В., во избѣжаніе пристрастія, было измѣнено и дѣла о Сенаторахъ стали передаваться каждый разъ по назначенію Государя въ особые суды.

Канцелярія при Сенатѣ состояла изъ обер-секретаря Щукина, назначеннаго вмѣстѣ съ Сенатомъ именнымъ указомъ 1711 года 22 февраля, и изъ подчиненныхъ ему дьяковъ и подьячихъ трехъ статей (старыхъ, среднихъ и молодыхъ). Столы Канцеляріи — секретный, приказный, губернскій, разрядный и фискальный, назначены были указомъ 27 марта 1711 г., но такое распредѣленіе ихъ держалось не долго и измѣнялось до новаго устройства Канцеляріи

по образцу Канцелярій Коллежскихъ (въ 1719 г.), когда дьяки были переименованны въ секретарей, старые подьячіе обращены въ нотаріуса, актуаріуса, регистратора, архиваріуса, переводчика и канцеляристовъ, а подьячіе молодые и средней статьи въ копіистовъ; впослѣдствіи къ этому штату были прибавлены другой обер-секретарь, секретарь для иностранныхъ дѣлъ и экзекуторъ, завѣдующій сенатскою ротою драгунъ, посылаемыхъ курьерами съ указами и исполняющихъ другія порученія. Но правильно объясняя причину измѣненій въ предметахъ занятій разныхъ столовъ Канцеляріи Сената различіемъ ея состава въ разное время, авторъ невѣрно полагаетъ, что тогдашнимъ Сенатомъ не велось реестровъ, коимъ надлежало быть по указу 27 марта 1711 г.: въ числѣ Сенатскихъ книгъ Петрова времени, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, находится одна съ реестрами скрѣпленныхъ приговоровъ (№ 55), слѣдовательно они были, но очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ оговаривается далѣе и самъ г. Петровскій, сгорѣли въ бывшіе въ столицахъ пожары или были уничтожены въ 1812 году во время занятія Москвы Французами.

Сначала мѣстопребываніемъ для Сената была назначена Москва; но уже въ 1712 году часть Сенаторовъ два раза ѣздила въ Петербургъ, гдѣ и оставалась каждый разъ болѣе мѣсяца, собираясь ежедневно въ присутствіе, какъ и въ Москвѣ. Въ 1713 году опять часть Сенаторовъ отправляется въ Петербургъ, а въ концѣ декабря того же года ѣдутъ сюда изъ Москвы и остальные Сенаторы, за исключеніемъ одного Опухтина, оставшагося здѣсь для управленія монетнымъ дворомъ. Такимъ образомъ съ 1714 г. Сенатъ должно считать состоящимъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ же осталась на постоянное время «Канцелярія Сенатскаго Правленія», впослѣдствіи переименованная въ «Сенатскую Контору», состоявшую изъ одного Сенатора, ежегодно мѣняющагося, и двухъ ассессоровъ, назначаемыхъ Сенатомъ, прокурора, экзекутора и канцеляріи; она была обязана немедленно исполнять получаемые ею изъ Сената указы и наблюдать за Конторами Коллегій и другихъ мѣстъ, бывшихъ также въ Москвѣ, но подчинялась въ своихъ дѣйствіяхъ Сенату. Впрочемъ, когда Сенатъ переѣзжалъ временно изъ Петербурга въ Москву вслѣдъ за Государемъ, то такая же Контора Сената оставлялась въ Петербургѣ. Отсюда видно, что переѣзды Сената изъ одной столицы въ другую предпринимались для того, чтобы онъ находился лично при Государѣ, и потому заключеніе

дѣлаемое профессоромъ Андреевскимъ изъ письма Петра В. Сенату отъ 11 декабря 1711 г., чтобы Сенатъ пріѣхалъ къ нему, «гдѣ онъ будетъ обрѣтаться», будто бы этимъ самымъ указывается, что Сенатъ не имѣлъ постояннаго мѣстопребыванія, а «слѣдовалъ повсюду за Государемъ», основательно опровергается авторомъ.

Обращаясь къ должности коммиссаровъ, г. Петровскій указываетъ прежде всего на ихъ значеніе, опредѣляемое указомъ 22 февраля 1711 г. лишь слѣдующими словами: «такожъ со всѣхъ губерній въ вышеписанномъ суду (Сенатѣ) для спроса и принимания указовъ быть по два коммиссара съ губерній». Сравнивая это черезчуръ краткое указаніе на обязанности коммиссаровъ при Сенатѣ съ тѣми обязанностями, какія съ теченіемъ времени были на нихъ возложены по самымъ разнороднымъ предметамъ, которыми установлялась какая либо связь губерній съ Сенатомъ, авторъ дѣлаетъ вѣрное и весьма удачное замѣчаніе, относящееся и ко многимъ другимъ инструкціямъ того времени и потому неоднократно имъ повторяемое, что по духу той эпохи, по недостатку научныхъ свѣдѣній и непривычкѣ къ систематической разработкѣ узаконеній, послѣднія излагаются обыкновенно кратко, отрывисто, впослѣдствіи же, при приведеніи въ дѣйствіе учрежденія или закона, сама практика, столкновеніе съ другими дѣйствующими законами и учрежденіями вызываютъ дополненія, поясненія, разграниченія и примиренія съ прочими узаконеніями и такимъ образомъ съ теченіемъ времени выясняется не только цѣль, но и обозначается вся обстановка новаго учрежденія. Разсматривая съ этой точки должность коммиссаровъ, авторъ весьма послѣдовательно выясняетъ появленіе новыхъ и многоразличныхъ обязанностей, которыя на нихъ легли именно вслѣдствіе того, что состоя представителями своихъ губерній при Сенатѣ, они могли гораздо успѣшнѣе исполнять всѣ требованія, нежели посыльщики, которыхъ пришлось бы отправлять для каждаго порученія въ ту или другую губернію, и вотъ они являются не только плательщиками разныхъ сборовъ за свои губерніи, контрагентами за нихъ на разные подряды и поставки, поставщиками рекрутъ и недорослей изъ губерній и проч. и проч. и за неисправность въ ихъ дѣйствіяхъ Сенатъ угрожаетъ имъ не только штрафомъ, но и арестомъ, правежемъ и даже смертною казнію. Къ счастію коммиссаровъ, учрежденіе Коллегій вызвало представленіе въ Сенатъ Каммер-Коллегіи о ненадобности ихъ болѣе по всѣмъ означеннымъ предметамъ, и объ ограниченіи ихъ обязанностей принятіемъ изъ Сената, Коллегій и Канцелярій ука-

зовъ и разсылкою ихъ по губерніямъ и провинціямъ, а съ другой стороны пріемомъ присылаемыхъ отсюда доношеній и вѣдомостей и подачею ихъ въ Сенатъ, Коллегіи и Канцеляріи.

Знаменитое въ свое время, но оставившее по себѣ столь нелестную память для потомства учрежденіе фискаловъ, авторъ признаетъ установленіемъ не столько заимствованнымъ Петромъ В. извнѣ, сколько вызваннымъ крайнею необходимостью въ строгомъ контролѣ для тогдашнихъ администраціи и суда, пропитанныхъ взяточничествомъ, презрѣніемъ къ законамъ, подкупами и полнымъ неуваженіемъ къ человѣческой личности. Названіе и основныя черты этого учрежденія могъ дѣйствительно указать Государю принятый изъ голстинской службы совѣтникъ Фикъ, которому онъ поручилъ изучить государственныя учрежденія Швеціи и который представилъ свои соображенія о заимствованіи отсюда нѣкоторыхъ должностей съ ихъ названіями и въ томъ числѣ должности не только губернскаго и другихъ фискаловъ, но и камер-фискаловъ; однако и здѣсь великій преобразователь былъ не рабскимъ подражателемъ западной идеи: создавъ сначала это учрежденіе на самыхъ широкихъ началахъ и раскинувъ его, такъ сказать, сѣтью надо всею Имперіей, дабы оно «тайно подсматривало и провѣдывало про неправый судъ, также въ сборѣ казны и прочаго и кто неправду учинитъ» и назначивъ фискаламъ за доносы, буде уличатъ кого, половину штрафа, а буде не уличатъ, если было къ доносу лишь какое нибудь основаніе, освобождая ихъ отъ всякаго наказанія,— Петръ В. самъ вскорѣ увидалъ какіе зловредные корни эта система пустила въ почвѣ, еще слишкомъ мало подготовленной для безкорыстнаго служенія въ ней дѣлу, и уже указомъ, изданнымъ 17 марта 1714 г.—о должности фискаловъ—ограничиваетъ ихъ права. Затѣмъ, когда самые первые ихъ чины—обер- и провинціалъ-фискалы — явились злѣйшими преступниками, подвергъ ихъ строгимъ наказаніямъ и, наконецъ, учредилъ дѣятельный противовѣсъ самой должности фискаловъ въ лицѣ прокуратуры, силою которой они были сначала оттѣснены на задній планъ, а въ концѣ столѣтія и вовсе уничтожены. Вотъ одно прекрасное мѣсто въ изслѣдованіи г. Петровскаго, гдѣ онъ съ большимъ талантомъ выясняетъ сначала значеніе и цѣль фискаловъ, а потомъ слабыя ихъ стороны и при этомъ случаѣ съ понятнымъ увлеченіемъ рисуетъ намъ величественный образъ Государя, стоявшаго такъ высоко надъ окружавшею его средою.

«Еще въ началѣ главы о фискалахъ», пишетъ онъ, «мы гово-

рили, что учрежденіе этой новой небывалой должности вызвано было настоятельною потребностью въ ней. При учрежденіи ея все вниманіе Петра было устремлено именно на эту потребность; онъ весь отдался неодолимому желанію уничтожить зло, разъѣдавшее Россію, зло, которое онъ лучше и сильнѣе всѣхъ современниковъ чувствовалъ, болѣе всѣхъ имъ возмущался, отъ котораго онъ просто страдалъ и на которое такъ часто жаловался. Это зло—повальное взяточничество, давленіе сильнымъ слабаго, разнузданность управителей, господство самопроизвола вмѣсто законности, постоянное пренебреженіе и неисполненіе указовъ, обхожденіе ихъ всѣми мѣрами. Конечно, не трудно понять зло, проистекающее отъ взяточничества или жестокости и насилій воеводъ; труднѣе проникнуть во всю глубину зла, проистекающаго отъ отсутствія въ обществѣ чувства законности и всѣхъ гибельныхъ слѣдствій этого отсутствія. Петръ же понималъ это и, понимая, не могъ не страдать. До какой степени ясно было это сознаваемо Петромъ, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить извѣстное заключеніе именнаго указа, даннаго Сенату въ 1718 году относительно его должности, въ которомъ съ глубочайшимъ и давно назрѣвшимъ убѣжденіемъ, даже просто съ ясно слышимою сердечною болью, онъ убѣждаетъ Сенатъ, что глава всему исполненіе своей должности и указовъ, «ибо какъ можетъ государство управлено быть, егда указы дѣйствительны не будутъ: понеже презреніе указовъ ничѣмъ рознится съ измѣною, и не точію равномѣрно бѣду пріимаетъ государство отъ обоихъ, но отъ сего еще вящше, ибо услышавъ измѣну, всякъ остережется, а сего никто вскорѣ почувствуетъ, но мало-по-малу все разорится и люди въ непослушаніи останутся; чему ничто иное, токмо общая погибель слѣдовать будетъ, какъ-то о Греческой монархіи явной примѣръ имѣемъ». Глубокое сознаніе обо всѣхъ этихъ общественныхъ язвахъ и желаніе уничтожить ихъ заставило Петра не только учредить фискаловъ, но также, чтобъ побудить идти на эту должность, долженствующую быть плохо принятой обществомъ, дать имъ большія матеріальныя выгоды, а для обезпеченія большей свободы въ отправленіи своей обязанности, изъять ихъ отъ всякаго другаго вѣдомства, кромѣ Сената, и сверхъ того, по своей привычкѣ не дѣлать ничего въ половину, не останавливаться на полумѣрахъ, увлекшись желаніемъ осуществить свою мысль и сдѣлать какъ можно болѣе дѣйствительною и дѣятельною должность фискаловъ, — онъ снабдилъ ихъ страшною привилегіей безнаказанности и безотвѣтственности за злоупотребленія своими правами по долж-

ности. Эта послѣдняя мѣра, конечно, не только не могла помочь дѣлу и послужить въ пользу мысли Петра, но положительно послужила ко вреду. Послышалось повсюдное неудовольствіе на фискаловъ. Устюжскіе фискалы жалуются, что посадскій человѣкъ Мокей Обуховъ ругаясь поноситъ ихъ, и зоветъ вмѣсто фискаловъ свистала̀ми; обер-фискалъ Желябужскій съ своими помощниками, Нестеровымъ и Шепелевымъ, жалуются самому Петру на пріемъ, который имъ дѣлается въ высшемъ учрежденіи, Сенатѣ, которому, какъ бы въ охрану, они поручены: «А когда приходимъ въ Сенатъ съ доношеніями, и отъ князя Якова Ѳедоровича (Долгорукаго) да отъ Григорья Племянникова (оба сенаторы) безо всякой нашей вины бываетъ къ намъ съ непорядочнымъ гордымъ гнѣвомъ всякое немилосердіе, еще жъ съ непотребными укоризны и поношеніемъ позорнымъ, зачѣмъ намъ, рабамъ твоимъ, къ нимъ и входить опасно. Племянниковъ называетъ насъ уличными судьями, а князь Яковъ Ѳедоровичъ — антихристами и плутами». Дѣло не остановилось на частныхъ порицаніяхъ, — неудовольствіе становилось все большимъ и большимъ и, наконецъ, какъ отголосокъ общественнаго мнѣнія, отразилось въ проповѣди съ церковной каѳедры. Лицо офиціальное, высоко поставленное, извѣстный блюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій въ 1712 году на второй недѣлѣ великаго поста, послѣ литургіи, въ Успенскомъ соборѣ съ каѳедры говорилъ народу надѣлавшее тогда столько шуму свое «казанье», въ которомъ смѣло возсталъ на самую слабую сторону въ фискалахъ. «Для чего», говоритъ Яворскій, «нарицаетъ псаломникъ слова: Господня словеса чисты, законъ Господень непороченъ? Для того — законъ Господень непороченъ, ибо путемъ непорочнымъ человѣка водитъ, всякой святости учитъ, Бога любити отъ всего сердца и ближняго своего, яко себя, повелѣваетъ, обиды творити ближнему запрещаетъ. Законы человѣческіе о коликое имутъ разстояніе отъ Закона Божія! Законъ Господень непороченъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны. А какой же то законъ напримѣръ: поставити надзирателя надъ судами и дати ему волю, кого хочетъ обличити да обличитъ, кого хочетъ обезчестити, да обезчеститъ; поклепъ сложить на ближняго судію, вольно то ему. Не тако подобаетъ симъ быти: искалъ онъ моей главы, поклепъ на меня сложилъ, а не довелъ: пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ: пусть самъ ввязнетъ въ узкую; ровъ мнѣ ископалъ: пустъ самъ впадетъ въ онь, сынъ погибельный, чужею бо мѣрою мѣрите. А то какова слова ему ни говорити запинаетъ за безчестіе». Смѣлое слово Яворскаго положительно можно

считать эпохою въ жизни фискаловъ. Прежнія разныя частныя недовольства фискалами могли быть разсматриваемы какъ неудовольствія лицъ, чувствовавшихъ за собою грѣхи и потому естественно боявшихся людей, поставленныхъ для раскрытія этихъ грѣшковъ, теперь же о фискалахъ говоритъ съ каѳедры передъ лицемъ всей Москвы лице высоко-нравственное, лице, пользующееся громаднымъ авторитетомъ и вліяніемъ, самъ блюститель патріаршаго престола, митрополитъ Рязанскій, и при томъ говоритъ, прямо указывая на такой недостатокъ, въ защиту котораго трудно что нибудь привесть и который ясенъ для всѣхъ. Яворскій и общество за нимъ стоявшее были правы. Если для людей высоко развитыхъ можетъ быть вредно и опасно владѣть такимъ правомъ безотвѣтственности и выдти чистымъ и незапятнаннымъ, оставаясь все время въ предѣлахъ справедливости, ни разу не увлекаясь личнымъ чувствомъ пріязни и вражды, симпатій и антипатій, ибо такое положеніе способно ослаблять въ насъ энергію сопротивленія присущимъ нашей натурѣ эгоистическимъ стремленіямъ, то что же послѣ того сказать про врученіе подобнаго права значительному числу лицъ, тогдашнимъ фискаламъ, людямъ взятымъ изъ той же самой среды, противъ испорченности которой и должна была быть направлена ихъ дѣятельность, — среды, о низкомъ нравственномъ уровнѣ которой мы можемъ судить даже по лучшимъ ея представителямъ, по самимъ сподвижникамъ Петра. У насъ находится слишкомъ много данныхъ для того, чтобы считать описаніе фискаловъ, сдѣланное Яворскимъ, за нѣчто теоретическое, за простой логическій выводъ и развитіе слѣдствій изъ ихъ права безотвѣтственности за неправые доносы. Напротивъ, вѣримъ тому, что все сказанное случалось, къ сожалѣнію, и на практикѣ, доказательствомъ чему можетъ служить обиліе процессовъ по злоупотребленіямъ фискаловъ, открывшееся въ нѣсколько позднѣйшее время, когда стало можно на нихъ жаловаться, и въ которыхъ первую роль занимаютъ оберфискалы (Желябужскій и особенно Алексѣй Нестеровъ), а за ними цѣлый рядъ низшихъ (Попцовъ, Поповъ, Нечаевъ и др.).

Критика фискаловъ Яворскаго не могла остаться безъ дѣйствія на Петра. Петръ не могъ не увидать, что онъ, въ своемъ стремленіи поставить какъ можно выше фискаловъ и могущественно вооружить ихъ въ борьбѣ съ пороками общества, перешелъ должную границу и сдѣлалъ промахъ. Давая такое право безотвѣтственности фискаламъ, онъ обратилъ вниманіе только на одну сторону, совершенно упустивъ изъ виду другую, именно вредныя послѣдствія,

какія могутъ проистечь отъ этого права фискаловъ. Причина такого крупнаго недосмотра—спѣшность, съ какою издавалось въ то время большинство указовъ; многіе изъ нихъ писались какъ бы на походѣ, въ одинъ присѣстъ, въ одну свободно выдавшуюся Петру минуту, съ характернстичнымъ для той эпохи предоставленіемъ времени развить полнѣе, опредѣленнѣе главную мысль первоначальнаго указа и внести всѣ нужныя дополненія, измѣненія и исправленія. Но если Петръ и дѣлалъ промахи въ своихъ указахъ, то всегда руководимый искреннимъ желаніемъ блага своей странѣ, и только имъ однимъ; ставя его на первомъ планѣ, выше всего, чуждый чувству мелкаго ложнаго самолюбія, мѣшающаго многимъ прямо и честно признать свою ошибку, онъ никогда не затруднялся сознаться, что «сіе сначала не осмотря учинено» было и что это неосмотрительно учиненное «исправить надлежитъ», не смущаясь тѣмъ, что такой рѣзкій приговоръ дается дѣлу его собственныхъ рукъ. Такъ было и съ дѣломъ фискаловъ» (стр. 135—138).

Интересующіеся исторіей учрежденія фискаловъ пусть прочтутъ весь этюдъ объ нихъ въ книгѣ г. Петровскаго, гдѣ онъ посвятилъ имъ значительную долю своихъ изслѣдованій (стр. 98—156); съ своей стороны, въ качествѣ рецензента, считаемъ долгомъ заявить сожалѣніе, что напрасно авторъ, предавшись исключительно изученію документовъ царствованія Петра, почелъ излишнимъ, хотя бѣгло, взглянуть на матеріалы, объясняющіе то, что осталось у него недосказаннымъ именно вслѣдствіе этого упущенія. Такъ, наприм., вопросъ о томъ, могъ ли смѣнять самъ Сенатъ генерал- и обер-фискаловъ, онъ оставляетъ неразрѣшеннымъ на томъ основаніи, что обер-фискалъ Нестеровъ былъ отставленъ и казненъ по суду, а генералъ-фискалъ Мякининъ былъ первымъ въ этой должности и перешелъ въ слѣдующее царствованіе, которое вышло за предѣлы настоящаго изслѣдованія (стр. 117). Но еще рѣзче выдается сдѣланная въ другомъ случаѣ ошибка и даже совершенно напрасно потраченное время на длинныя сужденія и сдѣланные отсюда выводы. Найдя въ 12-мъ пунктѣ помѣщеннаго въ Полномъ Собраніи Законовъ регламента Каммер-Коллегіи выраженіе: «и понеже опредѣленіе земскихъ чиновъ, а именно надзирателей сборовъ, *фискаловъ* и проч., избраніе оныхъ и апробація точію зависятъ отъ Камер-Коллегіи.... старатись во всѣ оные чины достойныхъ людей опредѣлять»,—авторъ говоритъ въ недоумѣніи:—«ясно—въ губерніи, провинціи назначаетъ фискаловъ Камер-Коллегія. Какъ же это такъ? Всѣ фискальскія дѣла еще раньше публикованія регламента

Камер-Коллегіи сданы въ Юстиц-Коллегію, куда перешелъ и обер-фискалъ, и опредѣленіе въ провинціал-фискалы и фискалы идетъ какъ прежде, такъ и послѣ появленія регламента Камер-Коллегіи, чрезъ обер-фискала и чрезъ Юстиц-Коллегію на утвержденіе Сената» (стр. 111). Не отыскавъ отвѣта въ дѣлахъ Юстиц-Коллегіи по этому предмету, г. Петровскій задается вопросомъ: не имѣла ли Камер-Коллегія въ губерніяхъ и провинціяхъ своихъ спеціальныхъ фискаловъ, ей одной подчиненныхъ, которыхъ бы не надо было смѣшивать съ провинціалъ- и городовыми фискалами? но послѣ долгаго обсужденія этого предмета приходитъ къ заключенію, что помѣщенная также въ Полномъ Собраніи Законовъ инструкція земскимъ фискаламъ, равно какъ и 12-й пунктъ регламента Каммер-Коллегіи могли быть помѣщены только въ проектѣ составлявшаго ихъ совѣтника Фика и что поэтому могли не быть приведены въ исполненіе, т. е. остаться проектами неутвержденными, что подкрѣпляется и тѣмъ, что въ Полномъ Собраніи Законовъ упомянутая инструкція не помѣчена мѣсяцемъ и числомъ своего изданія, между тѣмъ какъ это обыкновенно дѣлается на всѣхъ указахъ, регламентахъ и инструкціяхъ, утвержденныхъ Сенатомъ. Все это указываетъ на добросовѣстное отношеніе г. Петровскаго къ выставленному имъ вопросу для болѣе правильнаго разрѣшенія его; но если бы онъ заглянулъ въ самыя дѣла Каммер-Коллегіи, хранящіяся въ Архивѣ, то увидалъ бы, что въ нихъ о земскихъ коммиссарахъ, подчиненныхъ этой Коллегіи, нѣтъ никакихъ слѣдовъ и что на самомъ дѣлѣ ихъ у насъ не было.

Отдѣлъ о генерал-прокурорѣ и прокурорахъ могъ бы по справедливости нѣсколько менѣе занять автора, ибо онъ имѣлъ себѣ въ этомъ отношеніи достойнаго предшественника въ г. Градовскомъ (см. его изслѣдованіе о высшей администраціи и генерал-прокурор.), но и здѣсь онъ не упустилъ случая работать по источникамъ, и потому, читая его выводы не можемъ не замѣтить, что они взяты изъ массы просмотрѣнныхъ имъ Сенатскихъ дѣлъ, а потому и послѣ труда г. Градовскаго заслуживаютъ полнаго вниманія. Вотъ въ краткихъ словахъ эти выводы.

Учрежденіе прокуратуры, столь популярное у насъ съ самаго его начала, ибо оно соотвѣтствовало вопіющей потребности въ контролѣ и надзорѣ надъ дѣятельностію разныхъ присутственныхъ мѣстъ, было однако найдено Петромъ В. не вдругъ, а лишь послѣ нѣсколькихъ опытовъ удовлетворить ей тѣмъ или другимъ способомъ. На первый разъ онъ назначилъ съ этою цѣлью генерал-ре-

визора, но поставленный въ эту должность Васи́лій Никитичъ Зотовъ оказался, можетъ быть по самой неясности, съ которою ея обязанности выражены были въ учреждавшемъ ее указѣ, ниже своей задачи. Въ 1720 г. 13 февраля она перенесена на обер-секретаря Сената, извѣстнаго дѣльца того времени Щукина, пользовавшагося особымъ довѣріемъ царя, но и Щукинъ не ознаменовалъ себя ничѣмъ по возложенному на него надзору за Сенатомъ, хотя впрочемъ послѣ того вскорѣ умеръ. Можно думать, что и самъ Петръ догадался о непрактичности и безполезности соединять должность надзирателя съ должностью секретаря, почему и не передалъ ее преемнику Щукина — Познякову, а поручилъ ея исправленіе лицамъ, стоявшимъ внѣ прямой и непосредственной зависимости отъ Сената — штабъ- и оберъ-офицерамъ гвардіи. Лица эти должны были, однако, надзирать за Сенатомъ не всѣ вмѣстѣ, а по одному, перемѣняясь помѣсячно. Но когда и эта мѣра, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась непригодною, то Петръ создалъ для лучшаго достиженія своей цѣли совершенно новый институтъ прокуратуры. Насколько институтъ этотъ былъ заимствованъ изъ иностранныхъ законодательствъ и изъ какого именно — трудно сказать; ближе всего указываетъ онъ на французскаго генерал-прокурора съ его прокурорами, но если такъ, то должно сказать, что французское учрежденіе было настолько переработано въ примѣненіи къ русской жизни, что кажется скорѣе завершеніемъ прежнихъ самостоятельныхъ попытокъ, плодомъ прежняго опыта, а совпаденіе главныхъ положеній случайнымъ. Какъ бы то ни было, мы видимъ, что Петръ В. съ особенною любовью занимался не только разработкою идеи прокуратуры, но и назначеніемъ какъ генерал- и обер-прокуроровъ при Сенатѣ, такъ и прокуроровъ въ Коллегіяхъ и другихъ мѣстахъ и въ числѣ ихъ обер-прокурора въ Синодѣ. Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію правъ и обязанностей новосозданнаго органа надзора, авторъ въ заключеніе своего обзора прокуратуры при Петрѣ В., дѣлаетъ слѣдующій характеристическій объ ней отзывъ: «Прокуратура есть завершеніе новаго зданія, созданнаго Петромъ В. на развалинахъ стараго. Это вѣнецъ, давшій всему зданію прочность, единство, гармонію! Какъ прежнюю хаотическую приказную систему время и потребность указали замѣнить болѣе соотвѣтствующею данному росту и развитію государства системой Коллегій съ объединяющею, направляющею, дающею имъ единство и гармонію главой ихъ — Сенатомъ, такъ точно время и опытъ указали, что управленіе государствомъ, основанное на системѣ порученій, лич-

наго довѣрія, спутниковъ всякаго недавносложившагося еще очень юнаго государства, вполнѣ удовлетворяющее незамысловатой жизни, ничтожнымъ потребностямъ государства-младенца, система патріархальная, при развитіи жизни, при дальнѣйшемъ ростѣ государства, осложненіи его задачъ и потребностей, должна замѣниться другою, основанною на другомъ болѣе совершенномъ государственно-правовомъ началѣ. Удобно было во времена удѣльновѣчеваго періода какому-нибудь князю незначительнаго княжества удовлетворить ничтожныя потребности своего государства назначеніемъ нѣсколькихъ намѣстниковъ и тіуновъ, выбравъ ихъ изъ своихъ всегдашнихъ спутниковъ—дружинниковъ, изъ людей, которыхъ онъ знаетъ и которымъ довѣряетъ. Но по мѣрѣ увеличенія государства, съ объединеніемъ всѣхъ русскихъ княжествъ подъ властью московскихъ великихъ князей и царей, съ усложненіемъ государственной жизни, ея задачъ и потребностей, когда къ различнымъ отраслямъ государственныхъ дѣлъ потребовалась цѣлая масса лицъ, и выборъ людей способныхъ, честныхъ сталъ затруднителенъ, прежняя система порученій, основанная на личномъ довѣріи монарха, становится все болѣе и болѣе неудобною и плохо примѣнимою. Результатомъ ея является безпорядокъ и масса злоупотребленій, переполнившихъ мѣру и вызвавшихъ на смѣну прежней организованную систему недовѣрія. Эта система недовѣрія видна во всѣхъ учрежденіяхъ Петра, она имъ проводилась всюду, проявляясь и въ приданіи воеводамъ совѣта изъ мѣстныхъ дворянъ, губернаторамъ—ландратовъ, въ заставленіи главнокомандующаго собирать военный совѣтъ изъ генераловъ, полнѣе и систематичнѣе въ Коллегіяхъ и Сенатѣ и наконецъ въ учрежденіи фискаловъ и прокуратуры. Фискалы и прокуратура развитіе одного и того же принципа недовѣрія, одной и той же идеи потребности въ надзорѣ, идеи, постоянно растущей, развивающейся и нашедшей свое окончательное удовлетвореніе и успокоеніе въ генералъ-прокурорѣ. Оба надзора существуютъ рядомъ, дополняя другъ друга — одинъ, карая совершенныя преступленія — фискалы, другой, стараясь предупредить ихъ—прокуроры, одинъ, проникая всюду, легкій, подвижный, все осматривающій, ко всему прислушивающійся, розыскивающій, вывѣдывающій, другой постоянный, неподвижный, за однимъ только мѣстомъ прямо надзирающій и пользующійся услугами перваго и наконецъ оба сходящіеся въ лицѣ генералъ-прокурора — ока государева, чрезъ которое монархъ видѣлъ все, все зналъ, за всѣмъ надзиралъ. Такое могущественное учрежденіе

какъ генералъ-прокуратура, столь тѣсно связанное съ монархомъ, никому кромѣ его неподчиненное, подъ единственнымъ его судомъ состоящее, полнымъ личнымъ его довѣріемъ пользующееся, вооруженное властью останавливать сенатскіе указы, слѣдить за порядкомъ, законностью и безпристрастіемъ сенаторовъ и при отступленіи отъ нихъ дѣлать о томъ доношенія Императору, причемъ за доношенія по страсти хотя и угрожаетъ наказаніе, но однакожъ неумышленно ложныя донесенія въ вину не ставятся «попеже лучше доношеніемъ ошибиться, нежели молчаніемъ», такое могущественное учрежденіе казалось бы могло унизить Сенатъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ всю силу его, управлять имъ и распоряжаться по своему произволу. Но не смотря на то, что первымъ генералъ-прокуроромъ была назначена даровитая, зоркая и энергичная личность, Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, Сенатъ не умалился въ своемъ величіи и высокомъ значеніи. Чрезъ учрежденіе зоркаго контроля внутри себя Сенатъ лишился только возможности дѣлать злоупотребленія изъ своей власти, или по крайней мѣрѣ они стали труднѣе, но за то чрезъ генералъ-прокурора онъ сталъ, такъ сказать, въ непосредственную, живую, постоянную связь съ монархомъ, а чрезъ подчиненныхъ генералъ-прокурору прокуроровъ и фискаловъ получилъ лучшія средства надзора за всѣми учрежденіями Имперіи, чрезъ него онъ приблизилъ ихъ къ себѣ, сталъ въ болѣе прямыя и тѣсныя отношенія къ нимъ; существо генералъ-прокуратуры не въ томъ, чтобы стоять *надъ* Сенатомъ, а *при* Сенатѣ, *для* Сената. Поэтому съ генералъ-прокуроромъ Сенатъ сталъ совершеннѣе, его власть могущественнѣе, дѣйствительнѣе. Генералъ-прокуроръ съ прокурорами дали ему цѣлую массу свѣдѣній, дотолѣ пропадавшихъ, невѣдомыхъ, возбудили сильнѣе его дѣятельность, онъ сталъ энергичнѣе, силы его какъ будто болѣе сконцентрировались. Генералъ-прокуроръ и Сенатъ слились въ одно цѣлое и исторія связала ихъ одною участью — время высокаго положенія генералъ-прокурора есть вмѣстѣ съ тѣмъ время процвѣтанія, наибольшей энергіи и дѣятельности самаго Сената, время упадка генералъ-прокуроровъ при ближайшихъ преемникахъ Петра — время униженія Сената, и наконецъ, когда генералъ-прокуроръ превратился въ министра юстиціи, то и Сенатъ сдѣлался почти только судебнымъ мѣстомъ» (стр. 183—185).

Установленіе должности генералъ-рекетмейстера для пріема жалобъ по Коллегіи и Канцеляріи было вызвано съ одной стороны докучливостію просителей, обращавшихся вездѣ прямо къ Государю,

«не давая ему покоя», а съ другой — настоятельною потребностью удовлетворять нескончаемымъ воплямъ на непомѣрное волокитство и притязанія присутственныхъ мѣстъ. Съ этою цѣлью опредѣлено было назначить «персону знатную», а съ нимъ быть секретарю Молчанову для пріема такихъ челобитень и для исполненія по тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ объяснена неправость рѣшенія. Но между тѣмъ, какъ указъ о знатной персонѣ состоялся еще въ началѣ 1720 г., рекетмейстеръ былъ назначенъ лишь въ 1722 г. въ лицѣ Павлова, до того же времени должность его исправлялъ Молчановъ. Впрочемъ, какъ тотъ, такъ и другой получили въ свое время надлежащія инструкціи по новой должности. Но вскорѣ обязанности рекетмейстера еще расширяются: ему предписывается самому поднимать дѣла, когда увидитъ вопіющее злоупотребленіе (что дѣло рѣшено «посяжкою, маною, или молчаніемъ и проволочкою по страстп») и въ такомъ случаѣ докладывать не Сенату, а прямо Государю. Но и это казалось Петру еще недостаточнымъ: онъ приказываетъ рекетмейстеру доносить ему самому уже о всѣхъ вообще челобитныхъ на неправыя рѣшенія Коллегій и Канцелярій. Такъ думалъ онъ, самъ присматривая и направляя такія челобитныя къ рѣшенію ихъ въ Сенатѣ, уничтожить зло, вѣками укоренившееся въ судебной практикѣ.

Герольдмейстеръ и его Контора замѣнили въ царствованіе Петра Разрядный Приказъ, вѣдавшій до того времени всѣмъ служилымъ классомъ за исключеніемъ тѣхъ отдѣловъ службы, которые отошли еще прежде въ другіе Приказы. Разсмотрѣвъ подробно какъ организовались въ Сенатѣ разныя обязанности Разряда и какъ завѣдывавшій ими разрядный столъ былъ преобразованъ въ «разборную канцелярію», перешедшую въ свою очередь въ Герольдмейстерскую Контору съ герольдмейстеромъ во главѣ, авторъ останавливается съ особымъ вниманіемъ на данной герольдмейстеру инструкціи и на запискѣ пріѣздовъ къ нему всякихъ чиновъ людей для представленія ихъ на смотръ Сенату. Сверхъ Главной Герольдмейстерской Конторы, отъ герольдмейстера была еще другая Контора, находившаяся въ Москвѣ; но когда Сенатъ, а съ нимъ и герольдмейстеръ съ своею Канцеляріею пріѣзжали въ Москву, то въ Петербургѣ оставлялась ими Контора на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Московская Контора.

Въ главѣ 3-й своего изслѣдованія г. Петровскій опредѣливъ сначала «кругъ вѣдомства Сената» общимъ выраженіемъ, что дѣятельность Сената была всеобъемлюща и сказавъ, что понятіе объ

ней не можетъ быть выяснено изъ однихъ относящихся къ ней указовъ, а должно быть выведено изъ самыхъ приговоровъ Сената по поступавшимъ на его разрѣшеніе дѣламъ, разсматривастъ затѣмъ, *какъ* справлялся Сенатъ въ разныхъ отрасляхъ государственной жизни, подраздѣляя съ этою цѣлью занятія его на слѣдующіе отдѣлы: а) по участію его въ законодательствѣ; б) по судопроизводству; в) по дѣламъ военнымъ; г) въ сферѣ финансовой и торгово-промышленной, и д) по доставленію государству благосостоянія и безопасности. Но приступая къ выполненію такой взятой на себя задачи — обозрѣть дѣятельность Сената по этимъ рубрикамъ, авторъ спѣшитъ оговориться, что онъ вовсе не имѣетъ въ виду каждый родъ дѣятельности Сената по каждому отдѣльному предмету прослѣдить подробно и со всѣхъ сторонъ. «Конечно», замѣчастъ онъ, «если воспользоваться громадной массой подлинныхъ дѣлъ Сената, то такое обозрѣніе его дѣятельности представитъ богатый матеріалъ для отдѣльнаго самостоятельнаго изслѣдованія и даже не для одного, а для нѣсколькихъ, по одному на каждую крупную отрасль дѣятельности, наприм., по судебной, финансовой, торговой и промышленной, по военной, и подобный трудъ былъ бы вполнѣ благодарный, составилъ бы капитальный вкладъ въ нашу историко-юридическую литературу, прекрасно освѣтивъ многія стороны этой замѣчательнѣйшей эпохи нашей исторіи. Но, заключаетъ онъ, съ излишнею впрочемъ скромностью, скажемъ отъ себя,—наша задача ограничивается краткимъ показаніемъ всего громаднаго круга дѣятельности Сената, всей ужасной массы предметовъ, подлежавшихъ его вѣдѣнію, съ цѣлью показать его власть, значеніе и положеніе, какъ высшаго центральнаго государственнаго учрежденія».

Дѣйствительно, изслѣдованіе г. Петровскаго не могло задаться тою цѣлью, чтобы исчерпать всю массу дѣлъ, наполняющую слишкомъ 400 огромныхъ фоліантовъ въ числѣ дѣлъ Сената, находящихся въ Архивѣ, но одинъ даже бѣглый просмотръ его труда съ дѣлаемыми имъ цитатами на подлинныя производства, подведеніе имъ многочисленныхъ фактовъ въ подтвержденіе того или другаго изъ предлагаемыхъ имъ соображеній и выводовъ, наконецъ приложенныя подъ текстомъ сочиненія болѣе подробныя выписки изъ Сенатскихъ докладовъ и рѣшеній, указываютъ съ какимъ усердіемъ, любовью и талантомъ онъ воспользовался открытымъ ему матеріаломъ. Да и нельзя было миновать при этомъ самаго настойчиваго труда, ибо автору предстояла въ настоящемъ случаѣ задача, рѣшительно неподдающаяся однимъ умозрительнымъ за-

ключеніямъ — разграничить обширную дѣятельность Сената до учрежденія Коллегій съ тою болѣе тѣсною, но всенаправляющею дѣятельностію, которая осталась за нимъ изъ вѣдомства каждой Коллегіи, какъ за высшимъ учрежденіемъ. Съ своей стороны, чтобы яснѣе представить заслугу разсматриваемаго труда, мы постараемся указать въ краткомъ очеркѣ на тѣ выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, съ изложеніемъ, однако, и тѣхъ недостатковъ, коихъ онъ могъ бы, по нашему мнѣнію, избѣгнуть, взявъ на себя однажды столь громадную работу.

Указъ 2 марта 1711 г., которымъ опредѣлены предметы вѣдомства Сената, кратокъ до неясности. «Его значеніе просто служитъ для Сената напоминаніемъ, на что онъ долженъ обратить *преимущественно* свое вниманіе, чѣмъ долженъ заняться *неотложно*; въ немъ указана только злоба дня, — «*все на нихъ положено*»; *все у нихъ въ рукахъ*» — говоритъ самъ Петръ о Сенатѣ. И вотъ Сенатъ начинаетъ разбираться въ неограниченной и необъятной массѣ оставленныхъ на него дѣлъ, какъ самъ знаетъ и умѣетъ. Начиная съ области законодательства, собственно и неподлежащей ему, какъ учрежденію административному, почему и называется онъ «Правительствующимъ», Сенатъ не считаетъ себя, однако, въ правѣ отказываться отъ дѣятельности законодательной въ отсутствіе Петра, по крайней мѣрѣ для восполненія его личной дѣятельности по дѣламъ, нетерпящимъ отлагательства. Поэтому онъ не только составляетъ проекты законовъ и вноситъ ихъ на утвержденіе Государя, но, не дожидаясь утвержденія, иногда и самъ издаетъ законъ, конечно, нисколько не стѣсняющій верховную власть, нисколько для нея необязательный и притомъ всегда готовый отвѣтить передъ своимъ монархомъ за всякую мѣру имъ предпринятую. Такимъ образомъ двѣ законодательныя власти—Государя и Сената примирялись въ томъ, что послѣдняя была не самостоятельна, въ зависимости отъ первой. Въ этомъ смыслѣ Сенатъ собственною властію налагаетъ на народъ новые денежные сборы, дѣлаетъ важныя измѣненія въ составѣ и положеніи присутственныхъ мѣстъ, не только своею властію пріостанавливаетъ именные указы, но даже въ отмѣну ихъ издаетъ свои указы, но все это дѣлаетъ лишь «до апробаціи» верховной власти. Участіе же въ законодательныхъ работахъ: инициатива, составленіе проектовъ, обсужденіе ихъ, наконецъ публикація всегда принадлежали ему. Что касается до источниковъ и направленія, которыми Сенатъ долженъ былъ руководствоваться въ своей законодательной дѣятельности, то авторъ весьма

удачно указываетъ на сдѣланныя по этому предмету наставленія Сенату, и притомъ неоднократно, самимъ Петромъ: «при сочиненіи регламентовъ Коллегіямъ иноземные уставы, гдѣ надлежитъ, *спускать съ русскими* обычаи»; «при составленіи новаго Уложенія, которые пункты (въ Шведскомъ уложеніи) покажутся несходны къ нашему народу, то противъ оныхъ изъ *стараго* (*русскаго*) *Уложенія* или новые пункты *дѣлать*»; «для помѣстныхъ дѣлъ взять права Эстляндскія и Лифляндскія, *ибо оныя сходнѣе* и почитай однимъ манеромъ владѣнія имѣютъ какъ у насъ»,—лучшее доказательство, что Петръ В. не былъ вовсе пристрастнымъ поклонникомъ западныхъ идей и уставовъ, а дѣлая все лишь для пользы Россіи, тѣмъ охотнѣе отдавалъ должную справедливость всему родному, что было ею самою выработано и оказалось ей пригоднымъ.

Судебное значеніе Сената поставлено Петромъ В. на первомъ планѣ. Послѣ клятвы въ вѣрности Государю и государству, Сенатъ прежде всего клянется въ справедливомъ отправленіи суда, а потомъ уже въ добросовѣстномъ и усердномъ отправленіи функцій административныхъ. Но поставленный и здѣсь въ неопредѣленное положеніе съ чего ему начать, онъ самъ, собственною властью, дѣлаетъ попытку къ созданію судебныхъ инстанцій раньше всѣхъ Петровскихъ указовъ объ этомъ предметѣ, именно предписываетъ состоящей при немъ Расправной Палатѣ «изъ губерній и Приказовъ невершеныхъ дѣлъ отнюдь не имать»; притомъ челобитчикъ, переносящій въ Сенатъ свое дѣло, обязанъ не просто глухо ссылаться на неправильное его рѣшеніе, а точно пояснять въ чемъ именно состоитъ неправильность, какой указъ или статья Уложенія нарушены. Сама Расправная Палата служила для Сената отводомъ громаднаго количества поступавшихъ къ нему судебныхъ дѣлъ, большинство которыхъ Сенатъ и передавалъ въ нее, оставляя себѣ только наиболѣе важныя или именнымъ указомъ велѣнныя ему самому разобрать, или если дѣло почему либо интересовало кого нибудь изъ членовъ Сената, или наконецъ такія рѣшенія, отъ которыхъ другія судебныя мѣста и Расправная Палата отказывались по неясности и недостаточности законовъ.

Дѣятельность Сената по части военной въ царствованіе Петра по истинѣ изумительна: сборъ войска, размѣщеніе его по полкамъ, восполненіе въ немъ убыли, снабженіе его орудіями, одеждою, провіантомъ и лошадьми, продовольствіе его за границей и проч. и проч.—все это лежало на Сенатѣ какъ относительно сухопутной арміи, такъ и флота. Учрежденіе Коллегій въ этомъ отношеніи

облегчило его, но не избавило отъ распредѣленія между ними занятій, отъ снабженія войска провіантомъ, судами и деньгами, отъ распоряженій по взаимному содѣйствію Коллегій между собою и т. д.

Заботы Сената по дѣламъ финансовымъ и торговопромышленнымъ, и притомъ самыя усиленныя, вызывались необходимостію удовлетворять всѣмъ тогдашнимъ потребностямъ Россіи, не терпѣвшимъ никакого отлагательства. На это безпрерывно указывалъ самъ Петръ Великій: «денегъ какъ возможно собирать, понеже деньги суть артерію войны», «расходы ненужные, а особливо напрасные отставить»; стараться о прибыли казнѣ»; «какъ бы государственному интересу было прибыльнѣе», — вотъ выраженія, которыя онъ не перестаетъ повторять Сенату, и Сенатъ выбивается изъ силъ, чтобы доставить казнѣ *прибыль*. Къ этой цѣли онъ и направляетъ всю свою дѣятельность, отдавая ей рѣшительное предпочтеніе передъ интересами частныхъ лицъ, заводитъ у себя контроль приходныхъ и расходныхъ книгъ изо-всѣхъ приказовъ и губерній, принимаетъ нужныя мѣры къ успѣшному сбору налоговъ, усиливаетъ ихъ, соображая впрочемъ съ экономическимъ состояніемъ губерній, слѣдитъ за торговлей и поощряетъ ее для взиманія съ торговцевъ и промышленниковъ новыхъ или усиленныхъ пошлинъ, пробуетъ для достиженія своей цѣли то мѣры строгости, то мѣры поощренія, заводитъ по нѣкоторымъ предметамъ монополію казны, по другимъ отмѣняетъ ее; отдаетъ разные сборы на откупъ и т. д. Дѣятельность свою Сенатъ не ослабляетъ и съ учрежденіемъ съ одной стороны Каммеръ, Штатсъ-Конторы и Ревизіонъ-Коллегіи, такъ какъ послѣдняя въ 1722 г. была уничтожена и вмѣсто нея учреждена Ревизіонъ-Контора, составившая часть Сенатской Конторы, а распоряженія двухъ первыхъ Конторъ находились подъ самымъ бдительнымъ контролемъ и въ подчиненіи у Сената, и въ такомъ же отношеніи находились къ нему съ другой стороны Бергъ, Мануфактуръ и Коммерцъ-Коллегіи.

Направленіе Сената къ надлежащей дѣятельности по доставленію государству благосостоянія было, по мнѣнію автора, прекрасно и сильно выражено Петромъ Великимъ въ указѣ 1718 г. о должности Сената, гдѣ, перечисляя разные предметы его вѣдомства, онъ, какъ бы остановясь передъ трудностью подобной задачи, кончаетъ просто указаніемъ на цѣлую общую задачу Сената, цѣль его существованія: «едино сказать, всегда Сенату подобаетъ имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, доброе бы простирать, а все что вредно можетъ быть

всемѣрно отвращать». Что же послѣ того, спрашиваетъ г. Петровскій, не входитъ въ кругъ его вѣдомства? Что не имѣетъ такъ или иначе отношенія къ пользѣ и вреду государства? Понятно, какую роль должны были играть при такой постановкѣ задачи Сената вопросы по благосостоянію и безопасности государства,—забота о нихъ прямо предписывается ему безъ всякаго ограниченія извѣстными предметами, и во всей своей полнотѣ. И дѣятельность его въ этой сферѣ была велика и плодотворна! Сенатъ заботится обо всѣхъ важныхъ постройкахъ, о каналахъ и дорогахъ, о почтовомъ дѣлѣ, о городской полиціи, о всеобщемъ продовольствіи, принимаетъ мѣры къ ослабленію гибельныхъ для государства послѣдствій отъ неурожаевъ, повальныхъ болѣзней, грабежей и разбоевъ, установляетъ процедуру выдачи паспортовъ отъѣзжающимъ за границу, слѣдитъ за шпіонами изъ другихъ государствъ и удаляетъ ихъ, свидѣтельствуетъ умалишенныхъ, содѣйствуетъ учрежденію школъ, наконецъ входитъ даже въ область духовныхъ дѣлъ и вызываетъ противъ себя протестъ знаменитаго Стефана Яворскаго, но и по учрежденіи Синода не дозволяетъ свѣтскимъ властямъ безъ своихъ указовъ исполнять распоряженія духовнаго вѣдомства. Въ заключеніе этого перечня лежавшихъ на Сенатѣ занятій г. Петровскій указываетъ и на участіе его въ сферѣ международной, въ дѣлахъ по сношеніямъ Россіи съ другими государствами.

Достаточно сказаннаго, чтобы придти къ заключенію, что предложенные здѣсь выводы требовали отъ автора самаго тщательнаго пересмотра всѣхъ дѣлъ Сенатскихъ съ 1711 по 1725 г.; но тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что напрасно онъ не обратилъ надлежащаго вниманія на тѣ рубрики, на которыя распадаютъ эти дѣла по различію книгъ, въ которыхъ онѣ размѣщены [1]). Если и нельзя за этимъ размѣщеніемъ признать строгонаучнаго характера, все таки одинъ перечень дошедшихъ до насъ Сенатскихъ книгъ съ обозначеніемъ содержанія каждой изъ нихъ имѣетъ свое значеніе, объясняя съ одной стороны какіе предметы требовали отъ тогдашняго Сената болѣе напряженныхъ занятій, а съ другой къ какимъ именно изъ разныхъ учрежденій и предметовъ относятся имѣющіяся въ Архивѣ дѣла Петровской эпохи. За недостаткомъ этихъ данныхъ въ книгѣ г. Петровскаго, мы сочли неиз-

[1]) Сенатскія книги до сихъ поръ удержали на себѣ нумера, которые были на нихъ выставлены въ повытьяхъ и столахъ, гдѣ производились тѣ или другія дѣла по различію ихъ предметовъ.

лишнимъ предложить здѣсь означенныя свѣдѣнія въ той надеждѣ, что онѣ могутъ быть пригодны по крайней мѣрѣ для тѣхъ изслѣдователей, которые, по указанію самого г. Петровскаго, захотѣли бы найти въ Сенатскихъ книгахъ такія данныя, коими онъ не воспользовался.

Всѣхъ книгъ Правительствующаго Сената за время царствованія Петра Великаго 429. Изъ нихъ собственно къ Сенату относится 36 книгъ подъ №№ 1913—1937 и 1882—1892 (гг. 1719—1725), въ коихъ помѣщены цѣликомъ одни приговоры Сената, а къ учрежденіямъ, при немъ состоявшимъ, 36, именно: по Сенатской Конторѣ и Казначейству №№ 6972, 8284; по Герольдмейстерской Конторѣ №№ 7301—7303, 8102—8106, 8108, 8109, 8155; по столамъ: приказному №№ 7, 651—661, разрядному №№ 641—650, секретному № 18. Далѣе слѣдуютъ книги по дѣламъ: бывшаго *Кабинета* № 1078, 1079; *Канцелярій:* Вахтмейстерской № 8110, Медицинской № 37, Монетной № 683, Подрядной № 39, 49, Полицмейстерской № 1206, Провіантской № 209—215, Рекетмейстерской № 1273—1279, Слѣдственной № 51, Счетной и Печатной № 685; по *Коллегіямъ:* Адмиралтейской № 534—537, 596—599, Военной № 372—387, Иностранной № 1728—1772, Каммеръ-Коллегіи № 810—818, Коммерцъ, Бергъ и Мануфактуръ-Коллегіи № 905—909, 1061, Медицинской № 685, Статсъ-Конторѣ и Ревизіон-Коллегіи № 604, 605, 607, Юстицъ и Вотчинной Коллегіи № 1344 и Коллегіи Экономіи № 530; по *Коммиссіямъ:* Доимочной № 950, Слѣдственнымъ № 217—227, 236—238, 273—275, 289—300, 327—330; по Статсъ-Конторѣ (см. РевизіонъКоллегію); по *Приказамъ:* Монастырскому № 19,530, Ямскому съ его Канцеляріей № 1065, 1066; по *Синоду* № 696, 763—769; по *Экспедиціямъ:* Лифляндской № 1221—1232, Малороссійской № 1728—1772; по *Академіи Наукъ* № 1201; по *Главному Магистрату* № 905—909; по *губерніямъ* 88 книгъ, именно: по Азовской № 59—70, Архангелогородской № 71—88, Астраханской № 89—95, Воронежской № 96, 97, Казанской № 98—108, Кіевской № 111—115, Московской № 117—128, Нижегородской № 129—131, Сибирской № 153—159, С.-Петербургской № 189—199; наконецъ по разнымъ предметамъ: № 1—5, 9—15, 17, 272, 511—527; о Валахскомъ господарѣ Кантемірѣ № 8, по военному вѣдомству № 16, 20—30, о ямскихъ подводахъ № 31, о провіантѣ № 32, 38, 41, 52; о выдачѣ жалованья № 33, 34, 40, 44, 46, 50, 53, 54, 57; о ямщикахъ и шляхетныхъ переселенцахъ № 36, объ опредѣленіи чиновниковъ на должности № 35, о коллежскихъ президентахъ и чинахъ № 42, объ

имуществѣ царевны Наталіи Алексѣевны № 43, 606, о корабельныхъ лѣсахъ № 45, о посылкѣ въ Кенигсбергъ подьячихъ для изученія нѣмецкаго языка № 47, о кончинѣ Шведскаго Сенатора графа Пипера № 48, о Китайской границѣ № 56, вѣдомости и донесенія совѣтника Фика о шведскихъ штатахъ № 58, о расходахъ князя Меншикова № 684; дѣла розыскныя и о помѣстьяхъ № 686—693, о рекрутскомъ наборѣ № 694, по переписи и ревизскимъ сказкамъ № 695, 705—710, 1339, по ланд-милиціи № 697—702, по подушнымъ и другимъ сборамъ № 703, 704, 711, 712, о конфискованныхъ вещахъ барона Шафирова № 8107; книга подъ № 55 заключаетъ въ себѣ, какъ упомянуто выше, реестры скрѣпленнымъ приговорамъ.

Послѣдняя глава «дѣлопроизводство въ Сенатѣ» содержитъ обстоятельное указаніе на то какъ приготовлялись къ докладу дѣла въ Канцеляріи Сената, какъ дѣлался потомъ докладъ, составлялся приговоръ или опредѣленіе и какъ наконецъ приводилось оно въ исполненіе. Въ отношеніи этой процедуры г. Петровскій замѣчаетъ, что какъ ни страдало описанное имъ дѣлопроизводство въ тогдашнемъ Сенатѣ отъ излишней формальности и письменности, но что оно было шагомъ впередъ противъ безурядицы въ дѣлопроизводствѣ прежняго времени. Съ такимъ мнѣніемъ мы позволяемъ себѣ не вполнѣ согласиться. Если и нельзя отрицать, что допетровское дѣлопроизводство отличалось крайнею медленностію вслѣдствіе знаменитой волокиты и взяточничества, то извѣстно вмѣстѣ съ тѣмъ какою толковитостію и можно сказать талантливостію изложенія дѣлъ отличались дьяки XVII столѣтія, и если подъ часъ ихъ доклады можно упрекнуть въ излишнемъ повтореніи нѣкоторыхъ усвоенныхъ практикою пріемовъ, то напротивъ того доклады Петровскаго времени весьма часто утомляютъ однообразною выпискою однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ по мѣрѣ того какъ излагается переходъ дѣла изъ одной инстанціи въ другую. Что же касается разрѣшенія вопроса, поставленнаго въ этой главѣ авторомъ: какъ рѣшались дѣла—единогласно или по большинству голосовъ, то онъ совершенно справедливо, не соглашаясь съ отзывами самыхъ авторитетныхъ писателей по этому предмету, противопоставляетъ указу 1711 г. 5 марта, которымъ введено было единогласіе, указъ 1714 г. 4 апрѣля, установляющій правиломъ для силы приговоровъ большинство голосовъ — заключеніе, вполнѣ оправдывающееся самыми дѣлами, изъ коихъ нѣкоторыя и приведены г. Петровскимъ.

Упоминая о томъ въ какомъ составѣ разсматривались въ Сенатѣ въ разное время дѣла, поступавшія сюда по апелляціи изъ юстицъ-коллегіи, авторъ не говоритъ въ настоящемъ мѣстѣ ничего о докладахъ и составѣ присутствія изъ Сенаторовъ и Членовъ Синода для рѣшенія дѣлъ, прикосновенныхъ къ духовному вѣдомству. Между тѣмъ вопросъ этотъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что, какъ замѣчено г. Петровскимъ въ другихъ мѣстахъ его книги, духовныя власти не всегда участвовали въ слушаніи и рѣшеніи такихъ дѣлъ, но не потому, думаемъ мы, чтобы они устраняемы были отъ того Сенатомъ произвольно, а потому что ему предстояло въ такихъ дѣлахъ лишь утвердить то, что представляли ему съ этою цѣлью тѣ или другіе чины изъ духовенства, какъ и видно изъ докладовъ по такимъ дѣламъ. Поэтому едва ли справедливо выраженное авторомъ мнѣніе въ предисловіи къ его изслѣдованію, чтобы Сенатъ собственною властію приказывалъ даже то или другое лицо посвящать въ игумены какого нибудь монастыря.

Вопросъ о дняхъ въ недѣлѣ, когда происходили засѣданія въ Сенатѣ, могъ бы, кажется намъ, разрѣшиться авторомъ съ бо́льшею точностію, если бы онъ просмотрѣлъ всѣ приговоры по числамъ и днямъ, когда они постановлены.

Изъ всего сказаннаго находя, что г. Петровскій изданною имъ книгою не только сдѣлалъ богатый вкладъ въ столь бѣдную еще литературу по русскому праву XVIII столѣтія, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть названъ первымъ піонеромъ, обратившимся въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи для разработки, на основаніи хранящихся въ немъ матеріаловъ, предмета столь важнаго и вовсе не изслѣдованнаго, какимъ былъ до его труда Сенатъ Петра Великаго, я полагаю, что Императорская Академія Наукъ оказала бы должную справедливость въ высшей степени добросовѣстному и даровитому выполненію этого труда присужденіемъ ему *полной* преміи.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, Іюнь 1877 г.
Непремѣнный Секретарь *К. С. Веселовскій*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., № 12.)

2007059717